

А.Н. Чубинский (Москва)

СЛЕДЫ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОГНЕ В РУССКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ЛЕКСИКЕ XVI–XVII ВЕКОВ

Исторический и смысловой анализ оружейной лексики, к сожалению, крайне редко становится предметом исследования оружейников. В то же время, даже беглое рассмотрение вопросов из этой области подчас позволяет глубже понять историю оружия. В качестве вступления, не связанного прямо с темой данной работы, приведем анализ выражения «*нажать на курок*», где слово *курок* ошибочно употребляется вместо слова *спуск*, по которое в современном языке уже является нормой¹.

Вне зависимости от неправильного употребления, слово *курок* в этом выражении понимается как деталь, сопоставимая с огнестрельным оружием в целом, поскольку выражение «*нажать на курок*» означает «*выстрелить*». Если принять во внимание, что обыватель не знает, что такое *курок* (в современном огнестрельном оружии эта деталь если и существует, то функционирует глубоко в недрах оружия в ряду других не менее важных деталей ударного и спускового механизмов), то становится понятной причина ошибочного словоупотребления. Для современного оружия *спуск*, *спусковой крючок* – единственный видимый посредник между волевым актом стрелка и выстрелом. Таким же посредником служил и курок, существовавший в эпоху дульнозарядного оружия: это основная и очевидная деталь замка (фитильного, колесцового, кремневого, капсюльного), действие которой равнозначно действию оружия как такового (осечки не в счет). Таким образом, некорректное употребление слова *курок* в некотором роде вполне исторично, оправдано неизменностью базовой «кинематической» и смысловой схемы огнестрельного

оружия. Из двух истинных утверждений разных эпох «*курок – основная деталь огнестрельного оружия, видимое действие которой влечет за собой выстрел*» и «*спусковой крючок – единственная деталь огнестрельного оружия, видимое действие которой приводит к выстрелу*», вполне можно сделать вывод о том, что курок и спусковой крючок – одно и то же. А если вспомнить древнейшую конструкцию фитильного замка, то этот вывод будет почти что безупречным. Итак, первый интересующий нас термин – *курок*.

Происхождение русского слова *курок*, на первый взгляд, очевидно. Деталь фитильного, а позже кремневого замка, именованная по производимому действию, которая поджигала, «*прикуривала*» затравочный порох на пороховой полке оружия. Первое упоминание этого слова относится к 1609 г.: «*Посадкии кузнецы ... подделали у десяти затинных у щипалей курки и цружины*»². Однако такое разъяснение названия *курка*, насколько нам известно, в оружейной литературе нигде не встречается, ни один словарь не устанавливает родственных отношений между словами *курок* и *курить*. С другой стороны, слово *курок* имеет омонимическое значение «*петух, петушок*», в этом значении *курок* – уменьшительное от слова *кур* («*попал как кур в ощи*» – единственный случай употребления этого слова в современном языке). Эта омонимия кажется совершенно случайной, в этимологических словарях слова *кур* и *кур* («*петух*») рассматриваются в разных словарных статьях, их омонимическая связь констатируется, но никак не объясняется. Кроме того, русское слово *кур* объявляется заимствованием из польского языка³.

В то же время, в толковом словаре В.И. Даля помимо такого диалектного названия курка, как *кур*, приводится и название *кочеток*⁴, что подтверждает прочную связь наименования домашней птицы и детали оружейного механизма и, кроме того, позволяет подвергнуть сомнению гипотезу о заимствовании слова *кур*. Ситуация усложняется многократно при рассмотрении иноязычных наименований *курка* существующих у исторических соседей России. Та же омонимия, «*кур* = *петух*», прослеживается в польском *kurka*, чешском *kohout*, немецком *Hahn*, голландском *Haan*, английском *cock*. Профессиональный лингвист Максим Руссо значительно расширил список языков, в которых *кур* может обозначать также петуха. В этот список вошли литовский, венгерский, румынский,

сербохорватский, новогреческий, турецкий, исландский и чувашский языки⁵. Однако встречающаяся во многих языках загадочная омонимия может дать ключ к пониманию «оружейного» значения слова *курок*.

Максим Руссо предложил достаточно остроумное объяснение вышеописанной омонимии. Справедливо ограничив время появления ударно-кремневого замка и оружейного термина *курок* в странах Европы XVI–XVII вв., исследователь предположил, что деталь механизма кремневого замка первоначально получила свое название вследствие внешнего сходства ее действия с клюющим петухом, а «заостренный кремль усиливал сходство с птичьим клювом». Аналогичные детали появившихся ранее колесцового и фитильного замков, по мысли исследователя, переняли наименование *курка* позднее ввиду долгого сосуществования этих замков с кремневым⁶.

Серьезных возражений метафорическая гипотеза появления термина *курок* не встречает. С одной стороны, оружейники XVI–XVII вв. никогда не придавали *курку* сходства с петухом (хотя резные *курки* этой эпохи часто изображают всевозможных хищных зверей, змей, птиц, монстров), а детали *курка*, служащие для удержания кремня, назывались *губками* (русск.), *челостями* (англ. jaws), по отнюдь не *клювом*. С другой стороны, внешний предохранитель *курка собачка* на английском дог-локе (dog-lock) или русском замке также никогда не имел внешнего сходства именно с собакой.

Имеется и прямое свидетельство образного заполнения фигурки *курка*: голландское название ранней версии ударно-кремневого замка *snaphaan* среди своих значений имеет и «клюющий (дословно «схватывающий») петух»⁷.

Более того, есть и другие аргументы в пользу «кинематической» метафоры «курок = клюющий петух». Подобно конструкции колесцового замка, имеющей очевидный прообраз в виде точильного круга, выбрасывающего фонтан искр, можно найти подобный оружейный источник и для конструкции кремневого замка. А именно детскую игрушку «клюющие курочки» в виде двух горизонтальных параллельных планок, на которых подвижно смонтированы фигурки куриц. Оси вращения фигурок зафиксированы на нижней планке, горизонтальное челночное движение верхней планки заставляет фигурки куриц попеременно наклоняться и совершать «клюющие» движения⁸. Схема приведения в движение фигурки

курицы на нижней планке этой игрушки и курка на замочной доске практически идентичны. А простота и широчайшая распространенность игрушки – свидетельство в пользу ее древнего происхождения.

Еще один аргумент. В русском языке для обозначения курка в фитильном замке (или фитильного замка целиком в его наиболее примитивном виде) имелось исходное наименование *жагра*, впервые фиксирующееся документально в 1574 г.⁹ То есть до появления кремневого замка аналогичная деталь на прочих оружейных замках не обязательно вызывала ассоциации с петухом¹⁰.

Тем не менее, версия «кинематической» метафоры и внешнего, случайного сходства должна быть существенно дополнена. Если вернуться к попытке истолковать наименование *курка* по его функции, «прикуриванию», «поджиганию», то мы натолкнемся на еще одно любопытное историческое пересечение, в котором фигура петуха, *кура*, заменяет некий другой образ, связанный с огнем. Из русских народных сказок всем известна *избушка на курьих ножках*. Эти ноги обычно понимаются именно как куриные, принадлежащие курице. Но исходно ноги *избушки* могли получить наименование *курьих* как соотносящихся с огнем, сжиганием, «курением». Б.А. Рыбаков в своем классическом исследовании «Язычество древней Руси» предположил, что фольклорная *избушка на курьих ножках*, дом Бабы-Яги, связана с погребальной обрядностью дохристианской Руси¹¹. В действительности *избушка* означала домовицу с костями погребенных или прахом сожженных покойников, а *курьи ножки* буквально означали *окуривные* дымами погребальных костров столбы-сваи или же пни, на которых помещалась домовица, *дом смерти*¹². Итак, в дохристианском образе *курьих ног* мы встречаем ту же двойственность, что и в слове *курок*, появившемся в России несколькими столетиями позднее. Приходится признать, что в слова с корнем *кур*, вложена и семантика огня, горения, возжигания, и отсылка к домашней птице. Таким образом, объяснение родства детали ударно-кремневого замка и петуха на основании внешнего сходства по меньшей мере недостаточно.

В свете вышесказанного становится понятным, что между петухом и *курком*, *воспламеняющей деталью* замка, должна существовать исходная смысловая связь, которую надо понимать как символическое соотнесение петуха со стихией огня. Следы огненной

символики петуха отражены в известном обозначении пожара как *красного петуха*. В целом архаический образ петуха включает не только огненную, но и солнечную и, одновременно, хтоническую, а также мужскую сексуально-брачную символику¹³. В.П. Топоров приводит также цитату из древнерусского памятника, в котором осуждаются существовавшие и после введения христианства языческие обряды, когда «... коуры рѣжють; и огнєви молять же ся, зовущие его сварожичѣмъ»¹⁴. Важным для нас является и следующее сообщение: «Во многих случаях отчетливо прослеживается связь между жертвоприношением петуха и добыванием огня, его возжиганием»¹⁵.

Рассматривая смысловую связку *курок – петух* нельзя обойти молчанием еще одну существующую во многих языках омонимию, которую ярче всего демонстрирует английское слово *cock*. *Курок = петух – фаллос*¹⁶. В русском языке тоже остались лишь следы этой омонимии¹⁷, а в болгарском языке и македонских диалектах *кур* также имеет значение «фаллос»¹⁸. Очевидно, что в этой тройной омонимии проявляется как сексуальная символика петуха, так и огненная символика фаллоса¹⁹.

Таким образом, имеющаяся во многих славянских, германских и других языках народов Европы неоднозначность слова, обозначающего *курок*, может быть объяснена при привлечении дохристианских мифологических представлений. За данной омонимией следует признать большую историческую глубину, поскольку понятийное поле слова *курок* демонстрирует пересечение символики огня, образов мужской сексуальной энергии и зооморфной образности. В настоящий момент эти образы не воспринимаются как некогда единые, тем интереснее, что в неявном виде все они встроены в относительно нейтральный оружейный термин *курок*.

Итак, в области оружейной лексики можно сделать вывод о том, что русское слово *курок* в значении «воспламеняющая деталь оружейного замка» скорее всего было образовано непосредственно от глагола *курить* в значении *поджигать*²⁰. Это подтверждают и ближайшие по значению оружейные термины *пальник* (приспособление для удержания тлеющего фитиля, которым артиллеристы воспламеняли запальный порох у пушек; очевидно, слово *пальник* произошло от *палить*) и *жагра* («курок фитильного замка») по происхождению связано с глаголом *жагати*, то есть «жечь»²¹. Современные появлению *курка* ассоциации с петухом

(и фаллосом) – суть следы архаических представлений об огне, не утративших своей актуальности в эпоху развития огнестрельного оружия.

Второй интересующий нас оружейный термин также может обозначать деталь ударно-кремневого замка, отсутствующую, однако, на фитильных и колесцовых замках. Это *огниво*, стальная пластинка, противопоставленная курку. Процесс функционирования этой детали в замке – скользящий удар – принципиально таков же, как и у бытового одноименного инструмента. При ударе зажатого в губках курка кремня об *огниво* высекаются искры, воспламеняющие запальный порох. Своим названием эта деталь кремневого замка получила, очевидно, от бытового огнива, простейшего приспособления для получения огня. Прямая и непосредственная связь *огнива* с огнем не пуждается ни в каких комментариях. Тем загадочнее существование такого значения слова *огниво*, как «поперечное железко у рукояти сабли, меча...», зафиксированное в словаре В.И. Даля²². Под «поперечным железком» имеется в виду крестовина, простейший вариант гарды клинкового оружия в виде поперечины со сквозным пазом для крепления на хвостовике клинка. Это значение слово *огниво* имеет по крайней мере с XVI в. Например, в описи оружия Бориса Годунова 1588 г. значится «сабля булатная, пожни хоз черной, паболдашник и огниво, и устье, и два плица, и накопешник серебряные»²³. Таким образом, второй вопрос данной работы – исследование обстоятельств, благодаря которым слово *огниво* получило значение «деталь гарды клинкового оружия».

Предположение о том, что крестовина клинкового оружия некогда использовалась в качестве огнива, то есть металлического кресала, по которому били кремнем, – не выдерживает критики. Крестовина – слишком важная деталь клинкового оружия, и подвергать эту деталь частым ударам камня было бы более чем неразумно. Кроме того, крестовина, даже будучи откованной подобно стальному огниву в кузнице, вряд ли когда-либо подвергалась закалке. Для выполнения своих функций крестовине более всего подходят качества вязкого железа. Таким образом, для объяснения термина *огниво* приходится существенно расширять область поисков.

Известные этимологические словари игнорируют *огниво*, однако ряд интересных значений дают словарь Даля и Словарь русских

пародных говоров²⁴. Среди этих значений можно выделить следующие: «поперечина на столбах, насадка на падолбах», «стропила сарая», «поперечный брус в носовой части речных судов», «гнездо, в котором закреплено весло на речных судах», «вал для навизания спасти». Словарь русского языка XI–XVII вв. дает значение слова *огниво*, обобщающее вышеперечисленные: «поперечина, переключина, бревно, на котором что-либо крепят»²⁵. Эти значения не имеют ничего общего со стальным огнивом, которое выступает в паре с кремнем, но близки по смыслу крестовине клинкового оружия в плане конструктивной метафоры. Одна из общих черт всех перечисленных сооружений и орудий (в том числе клинкового оружия) – крестообразное пересечение конструктивных составляющих. Однако это никак не проявляется, каким образом все эти конструкции получили наименование *огниво*.

Пожалуй, единственный источник смысловой соответственности между огнем и крестообразной конструкцией можно найти в архаической практике получения огня при помощи трения двух кусков дерева. Способ, именующийся «сверление», требует наличия горизонтального куска дерева с выемкой, в которую вставляется другой вертикальный (цилиндрический) кусок дерева, выступающий в роли сверла. Вращательное движение вертикального куска дерева относительно своей оси, «сверление», позволяет произвести достаточное количество тепла для возгорания мельчайших стружек в выемке нижнего куска дерева²⁶. Соответственно говоря, для нас здесь более всего важна конструктивная схема, объясняющая, почему вертикальный крест из двух кусков дерева устойчиво ассоциировался с огнем и послужил источником для значения «крестообразная деталь» у слова *огниво*. При этом нужно помнить, что добывание огня в древности было священнодействием, а сама конструкция из двух соединенных крестообразно кусков дерева, разумеется, изначально была культовым предметом, далеким от повседневного бытового использования.

Мифологические и этнографические данные подтверждают связь символики креста и огня в вышеописанном аспекте. Крест как символ будущей жизни у древних египтян и вавилонян изображался посредством двух кусков дерева, предназначенных для получения огня²⁷. В отдельных уголках Европы вплоть до XIX в. разжигание костров во время сезонных праздников сопровождалось получением огня при помощи трения и сжиганием деревянного

креста²⁸. Обычай жечь костры был связан со многими праздниками, но ритуальные костры всегда должны были способствовать обретению жизненной силы, плодородию, приносить здоровье людям и скоту. Интересно описание праздника летнего солнцестояния в Восточной Пруссии: «... в землю вбивается дубовый кол, на который, как на ось, надевают колесо. Это колесо жители начищают, сменяясь, вращать с большой скоростью, пока от трения оно не загорится»²⁹. Здесь можно увидеть еще одну крестообразную конструкцию – горизонтальное колесо на вертикальной оси.

У славян подобный огонь, полученный при помощи трения, назывался «живым огнем», среди культового инвентаря упоминается колесо и лук, по всей видимости, служивший «приводом» для сверлящего деревянного колышка³⁰. Для кушальских и масленичных костров у славян была характерна такая конструктивная основа костра, как вбитый в землю кол с крестовиной-переключиной или кол с насаженным на него колесом или бочкой³¹.

Итак, приведенные свидетельства о культовом возжигании огня и участие в этих ритуалах деревянной крестообразной конструкции (в качестве источника огня или топлива) проявляются такие значения слова *огниво* как «крестовина, поперечина». Эти значения нужно признать чрезвычайно древними, как и сам способ добывания огня трением (сверлением). Перенос названия *огниво* на конструктивно сходную деталь клинкового оружия, крестовину, был, разумеется, более поздним. Но *огниво* все же более раннее обозначение этой детали, нежели *крестовина*, коль скоро происхождение слова *крест* связывается с христианским культом³².

К сожалению, древние представления славян об огне вряд ли нашли непосредственное отражение в символике клинкового оружия. *Огниво*-крестовина – лишь косвенное свидетельство существования мощных огненных культов древности.

В заключение отметим, что поставленная в данном исследовании задача увела нас далеко за рамки истории оружия³³. Тем больший общекультурный интерес должна представлять для нас оружейная (и военная) лексика, которая могла сохранить, как мы видели, бесценную информацию о древнейшей обрядовой и мифологической представлении.

- ¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2002. С. 315.
- ² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 140.
- ³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 2003. С. 427; Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н.М. Шапского. Т. II. Вып. 8. М., 1982. С. 454.
- ⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 223. Статья *Курок*.
- ⁵ Максим Руссо. Курок // Периодика Международного союза интернет-деятелей. <http://ezhe.ru/ib/issue949.html>.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Arne Hoff. Dutch Firearms. [L., 1978] P. 63–64; Yablonskaya E.A. Dutch Guns in Russia [Catalogue]. Amsterdam, 1996. P. 18.
- ⁸ Данная конструкция имеет исполнение и в виде «молотобойцев», медведей или кузнечиков, попеременно бьющих молотами по наковальню. Такое исполнение игрушки также вызывает ассоциации с действием кремневого замка, если уподобить наковальню огниву.
- ⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 69; В этимологическом словаре А. Преображенского жагра – трут, нагоревшая свечильня, фитильный пальник. М., 1910–1914. С. 220.
- ¹⁰ Тем не менее, первое упоминание англ. *cock* в значении «курок» в 1560-х гг. относится именно к фитильным мушкетам. См. The Online Etymology Dictionary. <http://www.etymonline.com>. Статья *Cock*.
- ¹¹ Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 90, 119.
- ¹² Баркова А.Л. Работы по славянской мифологии и эпосу. <http://mith.ru/all/slavic/slav6.htm>.
- ¹³ См.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 4. М., 2009. Статья *Петух*. С. 28–35; Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 309–310; В европейской мифологической традиции отчетливо прослеживается также связь петуха с солнцем, с божествами утренней зари и небесным огнем, петух может пониматься как земная трансформация небесного огня – солнца, носитель его качеств. С петухом связывается и символика воскресения из мертвых, вечного возрождения жизни, символика времени. Представляют интерес и изображение молнии в виде петушиного гребешка.
- ¹⁴ Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. Статья *Петух*. С. 310.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: The Online Etymology Dictionary. <http://www.etymonline.com>; Там же. Кажется, что именно в последние десятилетия англоязычные оружейеды все чаще заменяют вызывающее сексуальные ассоциации наименование *cock* на нейтральное *hammer*, «молоток».
- ¹⁷ К сожалению, ни один русский словарь не фиксирует прямо значения «мужской детородный орган» ни у слова *кур*, ни у слова *петух* при множественных указаниях на исходное существование таких ассоциаций как в языке, так и в этнографических данных. Можно предположить, что само появление слова *петух*, означающего, буквально, «тот, кто пост», связано с какого-то рода табуированием слова *кур* в вышеописанном значении.
- ¹⁸ Этимологический словарь славянских языков под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 13. М., 1974. С. 129.

- ¹⁹ Башляр Гастон. Психоанализ огня. М., 1993. С. 61.
- ²⁰ Аналогичное словообразование *катить – каток*.
- ²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 2003. С. 32–33.
- ²² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 645. Статья *Огни*.
- ²³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 243.
- ²⁴ Даль В.И. Там же. Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Л., 1987. С. 329.
- ²⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 243.
- ²⁶ Токарев С.А. Символика огня в истории культуры. Научно-просветительский журнал «Скепсис». http://scepsis.ru/library/id_844.html.
- ²⁷ Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 13.
- ²⁸ Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 576, 595; Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 2. М., 1999. С. 652.
- ²⁹ Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. С. 586.
- ³⁰ Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 3. М., 2004. С. 519.
- ³¹ Там же. Т. 2. М., 1999. С. 624.
- ³² «Праславянское *krъstъ заимствовано из древне-верхне-немецкого krist, christ и, вероятно, обозначало «Христос»: см. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шапского. Т. II. Вып. 8. М., 1982. С. 387.
- ³³ Так, в данную работу не вошло рассмотрение слова *кресало*, синонимического обозначения огнива на кремневом замке. Этимология слова на сегодняшний день неизвестна, однако, используя вышеприведенную методику анализа, можно бы было показать родственность слов *кресало* и *воскресение* в значении «оживление», несмотря на отрицание связи между этими словами в этимологических словарях русского языка. К сожалению, в истории *кресала* не остается практически ничего от собственно оружейной тематики.